

---

## П.Ф. Каптерев

### Детские типы

#### Типы детей в произведениях Достоевского

##### I. Типы девочек (часть I)

Достоевский один из тех писателей, которые в своих произведениях отводили довольно много места детям, изображали различные детские характеры, старались проникнуть в детскую душу. А так как Достоевский был вообще глубоким психологом, обнаруживавшим затаенные уголки человеческой души, ее сокровенные помыслы, волнения и страсти, то и изображение им детского мира представляет большой интерес для психолога и педагога, разъясняя им, каковы бывают детские типы и как они складываются. Поэтому, начиная очерки по детской психологии на основании беллетристических сочинений, мы на первое место ставим произведения Достоевского. Мы рассмотрим сначала изображенные им типы в отдельности, а потом сделаем некоторые общие соображения и выводы. Начинаем дело с рассмотрения типов девочек.

Достоевский дал немного типов девочек, но изобразил их весьма ярко, такими характерными живыми чертами, что ни забыть, ни смешать их, кажется, невозможно, если кто-либо хотя бы один раз ознакомился с ними. Наиболее подробно и обстоятельно очерчены два типа, названные им Неточка Незванова и княжна Катя (оба типа в «Неточке Незвановой»). Типы представляют собою полную противоположность.

##### I

Тип несчастной девочки

Первый тип – тип несчастной девочки, попавшей с малолетства в суровые жизненные тиски. Детство девочки было настолько серо и туманно, такая мгла окружала ее, что она

начала помнить себя лишь с десятого года, что очень поздно; до этого же времени у нее сохранились лишь разрозненные отрывочные воспоминания, вроде того, что ее сшибла на улице лошадь и она пролежала больная три месяца. Мать девочки была гувернанткой, получила хорошее образование, но обедняла. Первый ее муж умер скоро, и она вышла во второй раз замуж за человека, считавшего себя великим артистом и действительно имевшего музыкальный талант, но не развившего его серьезно, опустившегося, пьянствовавшего. Отчим девочки совсем забросил скрипку, разучился играть и только всем завидовал и злословил. Он ничего не делал и жил на заработки жены, больной женщины, страдавшей каким-то тяжелым недугом. Мать и отчим жили очень бедно, под самой крышей шестизэтажного дома, в грязной и низкой комнате. Жесткие ссоры были обычным явлением в семейном быту; муж жаловался на жену, что она загубила его талант, что в такой комнате он не может работать. Он пил, шляется и ничего не делал. Жена постоянно работала, раздражалась, не только ссорилась, но и дралась с мужем, которого продолжала любить, продолжала считать талантливым человеком и за которого она и замуж-то вышла в энтузиастическом порыве охранить и укрепить его гений и затем разделить с ним его славу.

Среди такой обстановки жила девочка, относясь ко всему долгое время как-то бессознательно, и наконец прозрела. Девочку никто не любил, никто не ласкал, она росла, как сорная трава, без всякого ухода и заботы. Своей раздражительной, гневливой матери она словно боялась, отчим совсем стушевывался, исчезал, братьев и сестер не было. Она росла одиноко и молчаливо под крышей шестизэтажного дома; проходили дни и годы, не оставляя по себе глубоких следов; наконец она очнулась, огляделась вокруг себя и многое поняла. Толчком к пробуждению девочки из бессознательной жизни послужила сильная баталия между супругами, свидетельницей которой девочка невольно сделалась. В ход были пущены матерью щетки, посуда и другие бедные предметы их скудной жалкой обстановки. Девочке почему-то показалось, что мать напрасно сердится на отчима (она считала его отцом), что он не виноват. Она бросилась к отчиму, заслонила его собой, обняла. Этот момент и был поворотным пунктом в жизни девочки, с тех пор она начала хорошо помнить, что с ней было.

Особенность психического развития девочки заключалась в преобладании чувствительности, в глубоких и разнообразных волнениях, переживаемых девочкой, при слабости умственных возбуждений. Девочка ничему не училась, си-

---

дела постоянно в комнате, так как уличные дети ее обижали. Сбегать в лавочку и то она могла не всегда безопасно: шалуны-мальчишки караулили ее и выкидывали над нею разные штуки. С матерью она разговаривала мало, с отчимом также. Весь ее мир заключался в комнате под крышей с ее убогой обстановкой. Правда, из этой комнаты было видно полгорода, но полгорода крыш и труб. Одиночество, молчание, пребывание на чердаке шестизэтажного дома — не особенно благоприятные условия для умственного развития. Зато сердце маленькой девочки билось сильно и тревожно, сердцем девочка много переживала в своей клетке. Девочка горячо полюбила отчима и возненавидела свою мать.

В отчине девочка почуяла что-то родное, она угадывала в нем существо страдающее, обиженное, одинаковое с собой положению, ровню себе. Страдание сдружало старого и малого, а отчим был так жалок, так нуждался в помощи и услугах даже маленькой девочки. И девочка действительно оказывала ему услуги, решаясь для этого даже обманывать свою мать. Когда отчим жаждал выпивки, а выпить было не на что, девочка отдавала ему гроши, на которые мать посылала ее купить в мелочной лавке необходимые предметы, а матери говорила, что она потеряла деньги или что их у нее отняли уличные мальчишки; она говорила с отчимом о его великом музыкальном таланте и тем утешала и ободряла его. Девочка скоро поняла, как жалок отчим, как он в ней нуждается, как она необходима ему, и ее чувство к нему получило некоторый покровительственный характер, оттенок материнского чувства, несмотря на всю странность таких чувств и отношений между отчимом и падчерицей, между зрелым мужчиной и одиннадцатилетней девочкой. Отчим в ответ ласкал ее, разговаривал с ней целыми часами и вечерами, выучил ее читать, рассказал ей первую сказку. Он поверял ей свои сокровенные мечты, развивал перед нею мысль, что придет время, когда он не будет в нищете, когда он сам будет барин и богатым человеком и что наконец он воскреснет снова, когда умрет матушка. Мать же была строга с девочкой, сердита, больна; девочка совершенно не понимала ее положения и настроения и, побаиваясь ее строгости и гневливости, совсем отшатнулась от нее, возненавидела ее. Она думала, что и отчим, и она сама страдают через мать.

Но скоро и отчим нанес сердцу девочки неисцелимую рану. Девочка оказывала ему услуги, решалась даже обманывать свою строгую мать из любви к нему, а он в награду приносил ей пряников, как будто она делала все для него ради пряников. Она почувствовала, что он не любил ее

так, как она его любит, что он думает вознаградить ее любовью гостинцами, и это глубоко уязвило девочку; она потеряла своего прежнего папочку, перестала и сама любить его, по крайней мере так, как любила прежде.

У девочки было много свободного времени, потому она имела полную возможность приглядываться к окружающему, передумывать замеченное, фантазировать. Начав размышлять, она скоро поняла весь ужас окружавшей ее обстановки, давящее нестерпимое горе, царившее в ней, глухую, но сильную вражду между матерью и отчимом, прорывавшуюся ожесточенными батальями. Уйти из этой тяжелой обстановки девочке было некуда, разве мечтать. Ее мечты, сообразно с ее ничтожным умственным кругозором, были скудные, нелепы и вращались около одного и того же предмета – как папочка и она уйдут, покинув маму, и заживут богато и весело в роскошном доме с красными занавесками. В голове у ней часто возникал какой-то безобразный хаос, она теряла чувство настоящего, действительного, жила бог знает где. Свои мечты, предположения она принимала почти за действительность, ей казалось, что вот-вот все то, о чем она мечтала, сбудется, отчим мигнет ей украдкой, вызовет ее в сени, и они потихоньку уйдут от матери с чердака и заживут в счастье и довольстве. Где, как это все случится, что произведет такую перемену – подобные вопросы и недоумения не приходили ей в голову.

Наконец над девочкой разразилась катастрофа: мать неожиданно умерла, отчим сошел с ума. Сумасшедший и девочка ушли с чердака, бродили по городу, а потом сумасшедший бросил девочку, куда-то убежал и его разыскали уже за городом в припадке иступленного помешательства. Больного свезли в больницу, где он скоро и умер. Девочка же на улице упала без чувств. Она и прежде не отличалась здоровьем, с ней бывали нервные припадки, а оставление родного чердака, беготня по городу за сумасшедшим отчимом по снегу в плохой одежке, крайне напряженное душевное состояние, исчезновение отца докончили девочку. У ворот какого-то дома она поскользнулась и упала, разбив себе в кровь лицо и потеряв сознание. Ее приютил богатый князь, решившийся воспитать ее со своими детьми. С этого времени начинается третий период в жизни девочки (первый – до пробуждения сознания, второй – до поступления в княжеский дом).

Девочка, выросшая на чердаке в полном одиночестве и безмолвии, попала в княжеские хоромы. В них она чувствовала себя столь же одинокой, как и на чердаке. Ее сердце жаждало ласки, участия, привета, но оно не могло раскрыться перед чужими людьми. Когда она немного опра-

вилась от тяжелой болезни, вызванной обстоятельствами ее переселения с чердака в хоромы, она стала бродить по всему дому, удивляясь зеркалам, статуям, останавливаясь перед картинами. Княгиня сначала брала ее к себе и показывала гостям, но скоро оставила, так как девочка оказалась совсем дикой, не умеющей ни присесть, ни поцеловать руки, ни ответить толком на вопрос. Девочке очень хотелось бы разговаривать с домашними, но она боялась их и потому оставалась одна. Ее любимым времяпровождением было забиться куда-нибудь в угол, где неприметнее, стать за какую-нибудь мебель и там тотчас же начать припоминать и соображать обо всем случившемся.

Наконец одиночество девочки кончилось: у нее явилась подруга одних лет с нею, княжна Катя.

## II

Тип красивой, энергичной девочки

Катя была здоровая и очень красивая девочка, она произвела на Неточку прежде всего сильное эстетическое впечатление, так что ее слабые нервы заняли от сладостного восторга. Катя чрезвычайно любила бегать, скакать, шуметь и греметь на весь дом; предаваться размышлениям, пребывать в одиночестве она не могла. Она росла с братом, с ним постоянно играла, была постоянно здорова и шутивая. Слабая, болезненная Неточка, не умевшая играть, тихая, не привыкшая к возне, вечно задумчивая, не могла вызвать на первых порах в подвижной, ловкой и веселой княжне больших симпатий. Кроме того, Катя была до крайности горда и самолюбива, а между тем гувернантка вздумала прилежание Неточки при занятиях поставить в образец княжне, что последней не могло особенно понравиться. Так как Катя владела экспансивной натурой, не могла да и не хотела скрывать своих впечатлений и чувствований, то она стала относиться к Неточке совершенно равнодушно, играла одна и не замечала ее. Задумчивая и грустная Неточка, выросшая в одиночестве и молчании чердака, не могла прийти по сердцу резвой, веселой, окруженной с колыбели всевозможными попечениями и роскошью княжне. А между тем девочки, в конце концов, сошлись и полюбили одна другую.

Инициатива сближения исходила от Неточки. Катя с первого раза произвела на нее чрезвычайно сильное и приятное впечатление, сразу расположила ее к себе. Для бедной Неточки Катя была каким-то светлым, блестящим херувимом, сошедшим с неба и осветившим все вокруг нее. Княжна сразу стала сниться Неточке, а наяву, когда княжны не было, Неточка сочиняла целые разговоры с Катей,

шалила, проказила вместе с ней, была ее другом; но когда Катя приходила к ней, Неточка терялась, все придуманные разговоры и проказы забывались, она робела перед своей подругой и не могла даже разговориться с ней. А княжна откровенно заявляла ей, что сидеть с Неточкой очень скучно, что ей даже не хотелось и приходиться к хворавшей подруге, да уж очень ее жалко, так что, нечего делать, она будет приходить. Когда же Неточка совсем оправилась, княжна принялась учить ее играм, но была крайне удивлена, что Неточка не может выучиться самым простым играм. Пробившись с ней целый час, она изумлялась ей и даже несколько пугалась. Когда же Неточка по своему обычаю принималась плакать, княжна совсем покидала ее. Имея подругу, Неточка продолжала оставаться одинокой, и это одиночество было ей особенно тягостно, черные мысли облегали ее сердце, так как она глубоко любила княжну.

Сердце Неточки жаждало любви, ласки, а их не было. Матери она боялась, отчима разлюбила, а в доме князя никого еще не успела полюбить. А как же дитяти расти и жить без любви? Неточка была чрезвычайно чувствительная девочка, ее сердце постоянно возбуждалось, — и такая-то девочка остается без любви, без симпатических чувств! Ей нужно было кого-нибудь любить, не мать — так отчима, не отчима — так другого кого-нибудь. А здесь явилась подруга, такая хорошенькая, такая живая и симпатичная, — как же не полюбить ее? И Неточка полюбила Катю, полюбила горячо, страстно: это была любовь по всей форме, со слезами и радостями. Катя снилась Неточке; наяву Неточка старалась целовать Катю, подкрадывалась к ней спящей и целовала ее ручки, плечики, волосы, ножку, похищала у ней ленточки и платки и по ночам целовала их, обливаясь слезами. Катя не устояла против такого страстного чувства и в свою очередь горячо полюбила Неточку. Но девочки не долго жили вместе, обстоятельства скоро разлучили их, и как бы сложились их дальнейшие отношения — осталось неизвестным.

Таким образом, Неточка и Катя оказываются двумя совершенно противоположными типами. Один тип — чердака и нищеты, другой — хором и богатства. Дети первого типа имеют следующие характерные свойства: слабое здоровье, даже с нервными припадками, необычайную чувствительность, тяжелые сердечные впечатления, грустное настроение, замкнутость, робость и при этом скудное умственное развитие; дети второго типа характеризуются физической крепостью и красотой, подвижностью, резвостью, смелостью (княжна не боялась ни страшной собаки — Фальста-

---

фа, ни старушки княжны), открытым, прямым характером, самонадеянностью, веселым настроением и сравнительно обширным умственным развитием. Первый тип сложнее, второй проще. Во втором типе все свойства вытекают из положения, обстановки: прекрасная обстановка вокруг ребенка, достаточная свобода, хороший уход — и вот ребенок становится здоровым, живым, смелым, веселым, откровенным, самонадеянным, если нет каких-либо влияний, прямо портящих дитя. Таких влияний на княжну Катю не было, и она выростала цельным и привлекательным типом, в котором хорошее далеко перевешивало нехорошее.

Неточка гораздо сложнее, на нее действовало гораздо больше влияний. Достоевский чрезвычайно верно и глубоко отметил расположение девочки к отчиму и нелюбовь к матери, потому что отчим был ближе, ровня девочке по душе и положению, состояние же матери, явно тяжелое и страдальческое, оставалось непонятным девочке, она была слишком мало развита для понимания таких душевных настроений. Притом мать была строга и гневлива, а это отпугивало от нее робкую девочку, тогда как отчим был кроток. Материнский оттенок чувства девочки к отчиму также указан совершенно справедливо и метко. Пробуждение самосознания сильной баталией родителей психологически правильно: обыкновенно самосознание и систематическое припоминание начинаются каким-нибудь более или менее значительным событием, оставляющим по себе глубокое впечатление. Но отнесение начала припоминаний к десятому году психологически не совсем вероятно; как бы сера жизнь дитяти ни была, сознательная деятельность должна была начаться гораздо ранее, и по обыкновенному порядку она начинается ранее. Исключения и аномалии, конечно, возможны. Вообще свойства, характеризующие первый тип, не представляют логической необходимости; при данных условиях они возможны, но могли бы быть и другими. Девочка могла бы ожесточиться, сделаться сорванцом-девчонкой, смело вступающей в бой с уличными мальчишками, или бессовестной лгуньей; она могла бы полюбить мать и немножко понять ее, тем более что любовное чувство к матери не один раз, хотя и на короткое время, подступало к ее сердцу. Словом, возможности здесь могли быть весьма различные, и из них в изображении автора мы имеем одно возможное сочетание свойств, сопровождаемое подчас весьма меткими и глубокими психологическими замечаниями.

Относительно Кати Достоевский дал прекрасную картинку отваги девочки, когда она решается погладить страшного

пса — Фальстафа. Эта сценка написана блестяще, равно как и разговор о ней девочек после. Одно только тут непонятно: как в доме, в котором за детьми был самый тщательный уход и надзор, могли держать такого пса, который не стеснился бы разорвать девочку, и как могли с таким псом оставлять девочек одних. Сцена натравливания пса Катей на старушку княжну также прекрасна.

Историю отношений Неточки к Кате Достоевский собственно не дописал, он ее искусственно прервал, заставив внешние обстоятельства разлучить двух маленьких героинь. Но было бы весьма интересно иметь изображение продолжения дружбы между девочками и естественно конца этих отношений. Т.е. знать окончательно, сдружились ли бы девочки или между ними сначала настало бы охлаждение, а потом и разрыв. По их душевным свойствам следовало бы ожидать второго — разрыва дружбы. Неточка и Катя вполне противоположны, физически и духовно. Увлечение Неточки Катей понятно, так как настрадавшееся сердце бедной девочки требовало любви, а Катя была очень привлекательна; но увлечение Кати Неточкой не совсем ясно: что привлекательного имела Неточка для Кати? Почти ничего, как слабенький плакса имеет мало притягательной силы для здорового и задорного ребенка. Конечно, несчастья и кротость Неточки могли трогать княжну; далее страстная привязанность Неточки к Кате, боготворение первою последней, принятие на себя вины Кати в деле натравливания Фальстафа на старую княжну и безропотное перенесение за чужую вину довольно сурового наказания — все это могло подкупать благородного и гордого ребенка. Но затем дальше начинались все различия, склонности девочек были противоположны, их тянуло в разные стороны; что нравилось одной, в том другая могла находить удовольствие, только принуждая себя приносить жертвы на алтарь дружбы. А такая вынужденность неизбежно подготовила бы разрыв, хотя, может быть, и несколько.

Сама дружба девочек была слишком горяча, слишком страстна, чтобы быть очень продолжительной; она вызывала в обеих слишком сильные волнения, не без примеси чувственности. Возраст девочек приближался к критическому, и это обстоятельство могло налагать на их взаимные отношения особый отпечаток. Находясь вместе, они задыхались, не знали, что делать от какого-то сладостного испуга, обнимались, жадно прижимались друг к другу, не говоря ни слова, их губки пухли от поцелуев. «Мигом княжна вскочила с места и, вся покрасневшись, вся в слезах, бросилась мне на шею. Щеки ее были влажны, губы вспухли,

как вишенки, локоны рассыпались в беспорядке. Она целовала меня, как безумная, целовала мне лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала, как в истерике; я крепко прижалась к ней, и мы сладко, радостно обнялись, как друзья, как любовники, которые свиделись после долгой разлуки. Сердце Кати билось так сильно, что я слышала каждый удар».

Элемент чувственности, стоявший в зависимости от приближавшегося критического возраста, слишком ясен. Такие отношения должны были измениться вместе с физическим переломом, так как для них не было достаточно подготовленной общности душ, стремлений, интересов, склонностей.

**Каптерев П. Ф.** Типы детей в произведениях Достоевского. // *Воспитание и обучение*. — 1895. — № 3, — февраль. — С. 41—54.

## Типы детей в произведениях Достоевского

### Типы девочек (часть II)

#### Тип ожесточенной девочки

В романе Достоевского «Униженные и оскорбленные» есть тип девочки, обрисовке которого автор посвятил много места и труда. Девочка называется Нелли (Елена) и представляет собою пример того, как может пострадать от дурных жизненных условий, сколько ожесточения и суровости может привить и нежной натуре грубая обстановка, как сильно борется детская душа с несвойственной ей средой и какими тяжкими следствиями на дитяти с самыми хорошими задатками отзывается это несоответствие между свойствами личности и окружающей ее среды. Нелли прекрасная девочка по природе и дурная по воспитавшим ее жизненным условиям; она нежна, чутка, благородна по своим природным свойствам и груба, резка, недоверчива по своему суровому жизненному опыту. Она представляет любопытный тип ожесточившейся девочки, с толстой корой на сердце, с каким-то твердым панцирем и в то же время девочки доброй, чуткой и нежной. Сама внешность девочки уже выражала ее внутренние свойства, характер жизненного опыта, ею приобретенного.

Нелли было 12—13 лет; маленького роста, худенькая, бледная, как будто только что вставшая с постели после про-

должительной болезни, постепенно, но неумолимо подтачивающей и разрушающей ее организм, со сверкающими глазами, с густейшими черными включенными волосами — она производила впечатление даже на прохожих на улице. Бледное и худое лицо ее имело какой-то ненатуральный смугло-желтый, желчный оттенок, глаза были большие, черные, какие-то нерусские. В них сверкал ум, а вместе с тем какая-то инквизиторская недоверчивость и даже подозрительность. На губах ее, прекрасно обрисованных, но бледных, чуть-чуть только окрашенных, изредка появлялась недоверчивая улыбка, но затем лицо снова быстро становилось суровым и загадочным. Девочка страдала припадками падучей болезни; случалось, что в один месяц с ней бывало по три припадка. Такова была Нелли с внешней стороны.

- О первоначальном воспитании Нелли Достоевский почти ничего не говорит. Из тех немногих слов, которые можно найти об этом в романе, следует заключить, что детство Нелли было счастливо и прошло весело и хорошо. Она довольно отчетливо припоминала и с волнением рассказывала о голубых небесах, о высоких горах со снегом и льдами, которые они видела, о горных водопадах; потом об озерах и долинах Италии, о цветах и деревьях, о сельских жителях, об их одежде, об их смуглых лицах и черных глазах. Рассказывала также Нелли о больших городах и дворцах, о высокой церкви с куполом, который весь вдруг иллюминировался разноцветными огнями; потом об одном южном городе с голубыми небесами и с голубым морем. Это все, что мы знаем о жизни Нелли в ранние годы ее детства. Конечно, такие сведения крайне скудны, и очень жаль, что художник, посвящая Нелли столько внимания в своем романе, не счел нужным более подробно и обстоятельно, чем приведенные слабые общие черточки, обрисовать детство Нелли. Одно можно вывести из сообщенных данных, что жизнь Нелли за границей прошла счастливо и весело. Как она попала за границу, а потом в Петербург? Кто были ее родители? Какие наследственные свойства ей передали?
- Отец и мать Нелли были русские; дедушка же был англичанин, но обрусевший. Мать Нелли увлеклась одним князем и, забрав у отца капиталы, бежала за границу, где Нелли и родилась. Но князь скоро бросил мать девочки, выманив у нее предварительно деньги, а отец проклял. К счастью, у покинутой женщины нашелся друг, давно ее любивший, немец Генрих; с ним-то Нелли и ее мать и жили за границей, переезжая из одной страны в другую. Но друг умер, прожив с Нелли и ее матерью несколько лет. Тогда бедная женщина вернулась со своей дочерью в Петербург, где и

---

начались ее страдания. Она была всеми покинута; больная, измученная, она ходила со своей одиннадцатилетней девочкой по холодным и грязным петербургским улицам и просила милостыни; потом целые месяцы умирала в сыром подвале и наконец умерла, оставив свою Нелли одну-одинешеньку, так как выживший из ума дедушка был плохой опорой для подрастающей девочки. Да и тот скоро умер. Девочка осталась совсем одна, а положение таких одиноких девочек в Петербурге крайне опасное и страшное. Рассмотрим по порядку условия, влиявшие на склад личности Нелли за время ее пребывания в Петербурге.

Мать Нелли вернулась в Петербург совсем без средств. Она долго отыскивала своего отца, но не могла отыскать. Мать рассказала своей дочери, что дедушка прежде был богатый, а теперь сделался очень бедным, что она очень любит дедушку, но что дедушка не нее очень сердит и никогда ее не простит. Мать и дочь поместились в темном и сыром подвале. Мать очень болела, но еще ходила. «Я ее белье мыла, — рассказывала Нелли, — а она плакала. Там тоже жила одна старушка капитанша, и жил отставной чиновник и все приходил пьяный и всякую ночь кричал и шумел. Я боялась его. Матушка брала меня к себе на постель и обнимала меня, а сама вся, бывало, дрожит, а чиновник кричит и бранится. Он хотел один раз прибить капитаншу, а та была старая старушка и ходила с палочкой. Мама-ше стало жаль ее, и она за нее заступилась; чиновник и ударил мамашу, а я чиновника».

Мать Нелли повстречала один раз своего отца на улице. Она бросилась пред ним на колени, обвинила его ноги своими руками, но суровый старик ушел от нее, не сказав ей ни слова. С Нелли же старик познакомился, покупал ей дешевых гостинцев, учил, но дочери своей не прощал. А девочка все думала: почему мамаша так любит дедушку, а дедушка не любит мамашу; мамаша все спрашивает про дедушку, а дедушка про мамашу никогда не спрашивает. Один раз девочка спросила об этом самого дедушку, а дедушка за это выгнал Нелли вон.

Когда мать Нелли окончательно слегла в постель и не могла больше ходить, она послала с дочерью письмо к своему отцу, умоляя его о прощении. Дедушка, как увидал письмо, так рассердился, что вскочил, схватил палку и замахнулся на девочку, но не ударил, а только вывел ее в сени, толкнул и выбросил нераспечатанное письмо. Между тем жить было не на что, мать слегла, в аптеку платить нечем. Один раз дедушка дал Нелли четыре рубля, а когда девочка пришла к нему в другой раз за деньгами, он кричал, вытолкал Нелли на лестницу и запер дверь на крючок. Де-

вочка решила, во что бы то ни стало достать денег для больной матери и потому села на лестнице. «Немного спустя дедушка отворил дверь и увидел, что я сижу. Потом долго прошло, он опять отворил, опять увидал меня и опять затворил. И потом много раз отворял и смотрел. Наконец вышел с Азоркой (собакой), запер дверь и прошел мимо меня со двора и ни слова мне не сказал. И я ни слова не сказала и так осталась сидеть и сидела до сумерек». Вернувшийся вечером дедушка удивился, найдя внучку на том же месте. Он вошел к себе, захватил немного медных денег и швырнул ими в девочку. «Вот тебе, — кричал он, — возьми, это у меня все, что было, и скажи своей матери, что я ее проклинаяю», — и захлопнул дверь. А пятаки покатались по лестнице. Девочка подобрала их и снесла матери.

Девочка жестоко обиделась на дедушку и отомстила ему по-своему. Дня через два — она была больна эти дни — она пошла на улицу и у прохожих выпросила рубль. Она его разменяла на медные деньги, зажала в кулак 70 копеек, сколько дал ей в последний раз дедушка, и пошла к нему. Отворив дверь, она стала на порог, размахнулась и бросила с размаха все деньги, так что они покатались по полу, и затем ушла.

Матери Нелли становилось все хуже. За неделю до смерти она подозвала свою дочь и сказала: «Нелли, сходи еще раз к дедушке, в последний раз, и попроси, чтобы он пришел ко мне и простил меня; скажи ему, что я через несколько дней умру и тебя одну оставляю. И скажи ему еще, что мне тяжело умирать»... Девочка пошла. Когда дедушка увидал ее, тотчас хотел было затворить перед ней дверь; но девочка ухватила за дверь обеими руками и закричала: «Мамаша умирает, вас зовет, идите!»... Дедушка оттолкнул внучку и захлопнул дверь. «Я воротилась к мамаше, легла подле нее, обняла ее и ничего не сказала... Мамаша также обняла меня и ничего не расспрашивала»...

Наконец мать подозвала однажды к себе дочь и сказала ей: «Я сегодня умру, Нелли», хотела было еще говорить, но не могла. Нелли сейчас же побежала к дедушке, схватила его за руку и могла только выговорить: «Сейчас умереть». Старик вдруг заметался, схватил палку и побежал. Но старый и малая не могли скоро добежать, нанять извозчика у них не было денег, и когда уже ночью они прибыли к месту, то нашли мать Нелли мертвою. Дедушка всплеснул руками, задрожал, закричал и упал на пол, как мертвый. А скоро он и на самом деле умер. Нелли осталась одна на свете.

Бедная девочка Нелли! Тяжелая судьба досталась ей на долю. Тот опыт, который она переживала, был один из самых

горьких: страшная бедность, мрачные, сырые углы, пьяные квартиранты, жестокость дедушки к ее матери, физические и нравственные муки милой мамы, ее ранняя смерть. Кто не ожесточился бы при этих условиях? У кого не выросла бы кора на сердце? А покойница мать завещала дочери: «Нелли, будь бедная, будь всю жизнь бедная, не ходи к ним, кто бы тебя ни позвал, кто бы ни пришел. Они злые и жестокие, и вот тебе мое приказание: оставайся бедной, работай и милостыню проси, а если кто придет за тобой, скажи: не хочу к вам!»... И дочь исполнила завет матери. Она взяла на свое попечение дедушку, который сделался совсем дряхлым и мало уже понимал. Внучка просила милостыню и на поданное покупала дедушке хлеба, картофеля и табака. Внучка просит милостыню, а дедушка ходит около, и лишь дадут внучке, как он подходит и отбирает у нее деньги, боясь, чтобы она не утаила чего.

После смерти матери бедная Нелли попала в руки мещанки Бубновой, желавшей сделать из нее развратницу. Бубнова деятельно начала работать для достижения своей цели, ничего не опасаясь, хорошо зная, что у Нелли родных нет. Она взяла Нелли на воспитание, купила ей кисейное платье, ботинки в Гостином, нарядила, как паву, — и вдруг Нелли заупрямилась: кисейное платье изорвала и против Бубновой подняла хотя и безмолвный, но сильнейший бунт. Почтенная воспитательница так исколотила свою воспитанницу, что пришлось звать лекаря к Нелли. Желая предупредить побег своей воспитанницы, Бубнова сняла с Нелли чулки и башмаки и заставила мыть полы. Нелли полы мыла безропотно, но уходила, когда хотела. Пьяная мегера била ее за это по голове, по лицу, руки отколачивала себе; Нелли упорно молчала, не издавала ни одного крика, ни одного звука, не проронила ни одной жалобы. Битья она не боялась, битьем с ней поделаться ничего было нельзя. «Пусть бьет, — говорила Нелли, сверкая глазами, — пусть бьет. Меня будут бранить, а я буду все молчать. Меня будут бить, а я буду все молчать, все молчать; пусть бьют, ни за что не заплачу. Им же хуже будет от злости, что я не плачу». Такую жизненную школу прошла Нелли в возрасте 12—13 лет. Другая девочка на месте Нелли непременно бы погибла; Нелли уцелела. Что спасло ее?

В Нелли был весьма большой запас внутренней упругости и чистоты, никакая жизненная грязь не приставала к ней, никакие насилия и оскорбления не могли сломить ее. Сильнее ломать личность, чем как жизнь ломала Нелли, было нельзя, но сломать хилую, худенькую девочку оказалось невозможным. Нелли устояла и вышла победитель-

ницей из такой борьбы, в которой гибнут сотни и тысячи лиц, по-видимому гораздо более сильных, чем Нелли. В чем источник стойкости Нелли?

Детство Нелли совсем не описано, потому приходится делать предположения. Прежде всего останавливаемся на родителях Нелли. Мать ее — бедная страдалница. Нет никакого сомнения, что она среди ужасной обстановки, покинутая всеми, сохраняла нравственную энергию и мужество, не хотела изменять свое бедственное положение на лучшее путем сделок со своей совестью, обращением к гадким и презренным людям. Ее муж — князь — был в Петербурге, был богат, и она могла заставить его многое сделать для себя и для дочери. Но она этого не хотела и, умирая, завещала дочери идти той же стезею правды, честной гордости, быть стойкой, мужественной в самых бедственных обстоятельствах. «Лучше милостыню проси, а головы своей не склоняй пред гадкими людьми», — завещала мать. Дочь в этом отношении пошла в мать. Отец Нелли — князь — был весьма скверный человек во всех отношениях; но в настойчивости и выдержке ему отказать никак нельзя, — напротив, этими свойствами он владел в обилии. Таким образом, ближайшие родичи Нелли были таковы, что могли передать ей свойство необычайной внутренней упругости, неподатливости на всевозможные внешние впечатления. А дед Нелли, по матери, был обрусевший англичанин Смит; в Нелли текла частичка английской крови. Англичане же, как известно, народ с весьма большой выдержкой и настойчивостью

Детские впечатления Нелли до переезда в Петербург были светлы и радостны; за первые 10—11 лет своей жизни Нелли сделала запас хороших чувств, привычек, в ее сердце влились та нежность, та чуткость, которые она в изобилии позднее обнаружила, лишь только представилась к этому малейшая возможность, которые сохранила во всю свою, правда очень короткую, жизнь.

С переселением в Петербург положение Нелли круто изменилось в сторону неблагоприятную. Но у нее оставался один важный ресурс — мать, ее стойкость, ее твердость среди страданий. Забыть материнские наставления, не поразиться выносливостью матери девочка не могла. Она имела добрую душу, чуткое к добру и правде сердце, а пример матери был слишком ярок, слишком близок и трогателен. Поступать, как мать, — вот что твердо усвоила девочка и что она выдержала даже в школе Бубновой. «Я бедная и хочу быть бедной», — говорила Нелли всю жизнь. — Всю жизнь буду бедная; так мне мать велела, когда умирала. Я работать буду».

---

Всеми указанными обстоятельствами мы объясняем себе необычайную твердость, проявленную Нелли в ее положении, то, что она не была сбита и раздавлена надвинувшимися на нее жизненными грозами и тучами. Но, конечно, ужасные условия, в которые Нелли попала по переселении в Петербург и особенно после смерти своей матери, не могли не отозваться на ее характер, не могли не огрубить и не ожесточить ее нежного, доброго сердца. Нелли сделалась недоверчивой, нелюдимою, упрямой, дикой; она озлобилась на всех, она ожесточилась. Рассмотрев эти ее свойства и как они уживались в ней с ее доброй по природе душой.

Когда лицо, от которого Достоевский ведет рассказ, знакомится с Нелли, то она производит на него впечатление какой-то дикарки, которая постоянно ежится и щетинится, постоянно уходит внутрь себя, хотя к ней и относятся вполне благожелательно. «Как тебя зовут?» — спрашивают Нелли. — «Не надо». — «Чего не надо?» — «Не надо. Ничего... никак не зовут», — отрывисто и с досадой отвечает Нелли и пытается уйти. Переселившись к своему спасителю, вырвавшему ее из рук Бубновой, и полюбив его всем сердцем, почти наравне со своей умершей матерью, она редко бывала с ним откровенна, редко чувствовала потребность говорить о своем прошлом, как-то сурово таилась. Она постоянно оставалась какой-то замкнутой и недоступной. Но мало-помалу ледяная кора, облагавшая сердце несчастной девочки, начала таять. Видя полную к себе доброжелательность со стороны лица, ее приютившего, она постепенно смягчается, в ее сердце врывается светлый луч радости и любви. Она привязывается все крепче и крепче к своему благодетелю, нежно ухаживает за ним во время его болезни, обнаруживает душу, полную ласки и любви. Она пытается быть полезной ему и принимает на себя роль хозяйки и вместе служанки: подметает пол, выражает желание стряпать, стирать белье и пр. Наконец дело доходит до того, что девочка-подросток прямо влюбляется в своего благодетеля чисто женской любовью. Но из разговоров с ним и с другими она знает, что он любит другую девушку, и потому выражает желание поступить к ней в служанки. «А я бы вам обоим служила, как служанка ваша, а вы бы жили и радовались», — заявляет Нелли. Со стороны Нелли это самопожертвование. Не имея сил расстаться с любимым человеком, со своим спасителем, который первый отнесся к ней по-человечески, она желает быть около него хотя бы в качестве служанки и быть полезной ему и его возлюбленной. Когда же ее предложение было отклонено, Нелли становится угрюмою и молчали-

вою, даже мрачной, и перестает совсем говорить со своим благодетелем, хотя по временам украдкой и бросает на него взгляды, полные нежности и любви. Наконец, она убегает от него, оставив записку такого содержания: «Я ушла от вас и больше к вам никогда не приду. Но я вас очень люблю. Ваша верная Нелли». Очевидно, Нелли начинает ревновать любимого человека, чувство в ней бурлит, хотя она, может быть, и не осознает, что с ней делается. Она снова ожесточается, не понимая, откуда не нее находит такой жестокий стих.

Возвращенная к своему благодетелю, девочка продолжает поражать неровностью своего характера, она постоянно выкидывает штуки, в которых сквозит ее прежняя озлобленность. Ее спрашивают: отчего же она убежала от своего благодетеля, отчего она не хочет жить у него? Она отвечает только: «Так, не хочу у него жить... не могу... я такая с ним все злая...а он добрый», и рыдает, как в истерике. В припадке бешенства она нарочно разбивает чайную чашку, а потом тихонько уходит на улицу и начинает просить милостыню, чтобы купить вместо разбитой новую. Со старичком доктором, добрым немцем, она проделывает злые шутки, выплескивая ему в лицо его порошки и подшучивая над ним. Но все эти злобные выходки были последними тучами рассеянной бури. Окруженная добрыми людьми, лаской и заботой, переведенная в хорошее семейство к милым старичкам, которые в ней души не чают, Нелли оттаивает совсем, ее сердечко отмягкает и распускается; она на любовь окружающих отвечает горячее и душевной привязанностью, она наконец проникается горячей любовью к Наташе, к той самой Наташе, которую считала своей соперницей, и содействует ее примирению с отцом. Душа Нелли отворилась для всех, и ожесточение исчезло. Зато она и сделалась идиолом для всех в доме.

Тяжелая судьба Нелли в корни подорвала ее здоровье, тем более что девочка никогда не отличалась физической крепостью и энергией. Нелли страдала частыми припадками, непрерывной лихорадкой, изнурявшей ее силы, состояние ее было какое-то напряженное, хотя она уже и не могла вставать с постели. Чем более одолевала ее болезнь, тем мягче и ласковее, открытее она становилась ко всем окружающим. Скоро она умерла, завещав своему благодетелю жениться на любимой девушке, на Наташе.

Умиротворилось ли вполне перед смертью сердце бедной девочки? Всех ли и все ли она простила? Нет, не всех, до полного умиротворения она не дошла. Пред самой смертью она призвала к себе своего благодетеля и сказала ему: «Ваня, я скоро умру. На память я тебе оставляю вот это», —

и она показала большую ладанку, которая висела у нее на груди вместе с крестом. «Это мне мамаша оставила, умирая. Так вот, когда я умру, ты иними эту ладанку, возьми себе и прочти, что в ней есть... И когда ты прочтешь, что в ней написано, то поди к нему (к князю, ее отцу; она знала, что он ее отец) и скажи, что я умерла, а его я не простила. Скажи ему тоже, что я евангелие недавно читала. Там сказано: прощайте всем врагам своим. Ну, так я это читала, а его все-таки не простила, потому что когда мамаша умирала и еще могла говорить, то последнее, что она сказала, было: проклиная его; ну, так и я его проклиная, не за себя, а за мамашу проклиная... Расскажи ему, как умирала мамаша, как я одна осталась у Бубновой, расскажи, как ты видел меня у Бубновой, все, все расскажи и скажи тут же, что я хотела лучше быть у Бубновой, а к нему не пошла...» Говоря это, Нелли побледнела, глаза ее засверкали и сердце начало стучать так сильно, что она опустила на подушки и минуты две не могла говорить ни слова.

Гордая и горячая девочка и перед смертью не захотела простить злейшего врага своей бедной матери. Ожесточение против него, против него одного, она унесла с собой в могилу. Ее сердце и перед смертью, как и всю жизнь, было наполнено любовью и ненавистью. Но любви в нем было *гораздо больше, чем ненависти.*

Нелли очень типична. С небольшими изменениями под этот тип подойдет множество личностей. Масса детей, мальчиков и девочек, отданных в учение в различные мастерские, представляют собой вариации свойств Нелли: из деревни привезенные в Петербург, Москву или другой большой город, дети владеют многими хорошими свойствами, уподобляясь Нелли за границей. Но вот начинается выучка, битье, пребывание в душных каморках с пьяными мастерами — и дети меняются. Всякая грязь прилипает к ним и покрывает их с головы до ног. Многие не выдерживают суровой науки и умирают, подобно Нелли; многие ожесточаются и превращаются в таких бестрепетных и выдавших виды субъектов, которых ничем удивить нельзя: ни тюрьмой, ни больницей; а иные, более мягкие натуры, расплющиваются и влачат горестное существование, населяя мужнины — питейные заведения, а женщины — другие, специально женские учреждения, посвящая себя той профессии, к которой хотела подготовить Нелли мещанка Бубнова.

**Каптерев П. Ф.** Типы детей в произведениях Достоевского. // Воспитание и обучение — 1895. — № 3, март. — С. 73–87.

## Типы детей в произведениях Достоевского

### Типы девочек (часть III)

Тип физически и душевно  
сломленной девочки

Между типами девочек, очерченными Достоевским, Лизе Хохлакова в «Братьях Карамазовых» занимает особенное место. Это прямо больная девочка, и физически и душевно, и, следовательно, анализ такого типа — дело психиатра, а не психолога. Но в характеристике Лизы Хохлаковой Достоевский указал такие черты и такие причины, обусловившие возникновение характерных свойств, которые часто встречаются в жизни нормальных детей, вызывают у них подобные же черты, только в слабейшей степени, так что анализ типа детей, представляемого Лизой Хохлаковой, имеет интерес и для психолога, и для педагога.

Лизе 14 лет. Она страдает истерическими припадками и параличом ног; бедная девочка не может ходить, и ее возят уже с полгода в кресле на колесах. Лицо у Лизы прелестное, немного худенькое от болезни, но веселое; что-то шаловливое светилось в ее темных больших глазах с длинными ресницами. Таков портрет ее с внешней, физической стороны.

Со стороны психической изображение Лизы несравненно труднее: оно весьма сложное явление. Лиза чрезвычайно нервная девочка; это прежде всего и больше всего комок нервов. Каждое впечатление, каждое чувствование переживается ею очень глубоко, бросает ее то в одно настроение, то в другое. Оставаться долго в одном настроении, питать одно чувство, поддерживать настойчиво принятое решение Лиза не может; она непрерывно, почти с минуты на минуту, изменяется, — сейчас она такова, а несколько минут спустя совсем другая. Отсутствие душевной устойчивости — самая характерная ее черта. Наш век называют нервным. Со стороны нервности Лиза может быть представительницей нашего века, хотя, как увидим дальше, и несколько преувеличенной. Она любит Алешу Карамазова, пишет ему весьма нежное и трогательное письмо; но это не мешает ей подшучивать и всячески издеваться над Алешей, поднимать его на смех. «Вы в мужа не годитесь, — заявляет она ему, — я за вас выйду и вдруг дам записку свести, тому которого полюблю после вас, — вы возьмете и непременно отнесете да еще ответ принесете. И сорок лет вам придет, и вы все так же будете мои такие записки носить». Подобные речи у Лизы не только речи, они сопровождаются и соответствующими деяниями: любя

Алешу, Лиза увлекается его братом Иваном, которому и посылает любовную записку через того же Алешу. Алеша сам передал любовную записку своей невесты своему брату. Лиза то кричит своей матери: «Я ненавижу Ивана Федоровича, я требую, чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали от дома!», то шлет ему любовную записку. Рассердившись на служанку, она ударяет ее рукой по лицу, а через час обнимает и целует у нее ноги. Маменька Лизы рассказывает Алеше Карамазову про свою дочку: «Ко мне прислала сказать, что не придет ко мне вовсе и впредь никогда не хочет ходить, а когда я сама к ней потащилась, то бросилась меня целовать и плакать и, целуя, так и выпихнула вон, ничего не говоря». А ночью перед этим вдруг с Лизой «припадок, крик, визг, истерика!». «Ох, Лиза меня так огорчает! — повествует госпожа Хохлакова. — Думаю, она совсем помешалась».

Но быстрая изменчивость настроения — свойство, довольно распространенное в детях: они скоро переходят от одного настроения к другому — противоположному. У Лизы Хохлаковой была черта более опасная, чем быстрая изменчивость настроения, — именно извращенность стремлений, чувств, вкусов. Нормальные люди любят удовольствие, добро, счастье; Лиза по временам любила страдание, зло, преступление. Такая душевная извращенность доходила у нее до весьма значительных пределов. «Я хочу, чтобы кто-нибудь женился на мне, а потом истерзал, обманул, ушел и уехал. Я не хочу быть счастливою!» — «Я хочу беспорядка. Я все хочу зажечь дом. Я воображаю, как это я пойду и зажгу потихоньку, непременно, чтобы потихоньку. Они-то тушат, а он-то горит. А я знаю да молчу». — «Я не хочу быть святою... Пусть меня Бог осудит. Я пришла, а меня бы и осудили, а я бы вдруг им всем и засмеялась в глаза». — «Знаете, Алеша, я иногда думаю надеть ужасно много зла и всего скверного, и долго буду тихонько делать, и вдруг все узнают. Все меня обступят и будут показывать на меня пальцами, а я буду на всех смотреть. Это очень приятно». — «Вот у меня одна книга, — рассказывает Лиза Алеше Карамазову. — Я читала про какой-то где-то суд, что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро через четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался. Это хорошо! Я иногда думаю, что я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду напротив и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот. Вы любите? Знаете, я про жида этого как прочла, то всю ночь и тряслась в

слезах. Воображаю, как ребенок кричит и стонет, а у меня вся эта мысль про компот не отстаёт».

Такая глубокая извращенность чувств и стремлений не могла не отразиться и на религиозной сфере. И действительно оказывается, что Лизе снятся черти, наполняющие все углы комнаты и готовые схватить ее. Вот они подходят, вот хватают, а она возьмет да перекрестится, черти-то и отступят и ждут. «И вдруг мне ужасно захочется вслух Бога бранить, вот и начну бранить, а черти-то опять толпой ко мне, так и обрадуются, вот уж и хватают меня опять, а я вдруг опять перекрещусь, а они все назад. Ужасно весело, дух замирает».

Мороз пробирает по коже, когда читаешь такие признания четырнадцатилетней девочки. Такая юность, почти детство, и такая извращенность! Но, несмотря на все это, Лиза не теряет некоторой привлекательности и симпатичности, она остается очень бойкой, веселой и насмешливой девочкой, готовой над всеми подтрунивать и подсмеиваться. Когда она делает Алеше Карамазову свои страшные признания о мальчиках с отрезанными пальчиками, о чертях и о прочем, она вдруг восклицает: «Алеша, спаси меня! Спасите меня, — почти простонала Лиза. — Разве я кому-нибудь в мире скажу, что вам говорила? А ведь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя, потому что мне все гадко! Я не хочу жить, потому что мне все гадко!» И эти слова Лиза говорит не на ветер, она может осуществить свои мысли. Когда Алеша ушел, Лиза тотчас же отвернула щеколду, притворила немножко дверь, вложила в щель свой палец и, захлопнув дверь, изо всей силы придавила его. Секунд через десять высвободив руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, села, вся выпрямившись, и стала пристально смотреть на свой почерневший пальчик и выдавившуюся из-под ногтя кровь. Губы ее дрожали, и она быстро-быстро шептала про себя: «Подлая, подлая, подлая». И это сделала четырнадцатилетняя девочка сейчас после того, как вручила своему жениху любовную записку к Ивану Карамазову, в которой, как выразился Иван Карамазов, она «уж предлагается, как развратные женщины предлагаются». И невольно глубокая грусть проникает в сердце за эту физически и душевно искаленную девочку, невольно возникает вопрос: кто и что сделали тебя такой несчастной? Откуда твои душевные уродство и извращенность при богатстве природных даров? Постараемся ответить на эти вопросы.

По своей природе Лиза была очень нервная девочка, худенькая, у нее нервная деятельность преобладала над всеми другими деятельностями. При этом она была подвержена

истерическим припадкам, которые ее сильно расстраивали, нередко она не спала ночи, была в сильном жару. Наконец, в довершение всего, у нее отнялись ноги, и она проводила свое время в длинном кресле, полулежа, с кресла созерцая жизнь и принимая в ней участие. Таким образом, условия физического развития были крайне неблагоприятны, движения и игры отсутствовали, зато сильные ненормальные потрясения были налицо. Отчужденная от здоровой бодрой физической деятельности, Лиза была вынуждена в долгие месяцы сидения в кресле передумывать свои думы, и за это время чего-чего она не передумала! А Лиза была подросток, 14 лет, и критическое время, приносящее с собой так много новых ощущений девушке, ею было пережито, вероятно, недавно, так что она не успела еще установиться после перелома. Таким образом, вся физическая натура Лизы в момент действия романа была глубоко потрясена, предрасполагая ее к самым неожиданным фактам в сфере душевной жизни.

Тяжелое физическое состояние девочки требовало тщательного за ней ухода, вполне гигиенической обстановки, применения серьезной продуманной воспитательной системы. Ничего подобного не было, Лиза совсем не получила никакого воспитания. Об отце ее в романе не сообщается ничего, мать Лизы была вдова и вдовела уже пять лет. О Хохлаковой-матери в романе говорится очень много, она изображается единственной воспитательницей своей дочери. Хохлакова-мать была женщина богатая, кокетливая, словоохотливая и бестолковая. Seriously воспитывать свою дочь она не могла, никакой разумной воспитательной системы она не только что не могла придумать, но и поддержать. Она могла воспитывать свою дочь лишь примером собственных действий, а эти последние были далеки от того, чтобы быть особенно поучительными. Лиза росла и развивалась сама по себе, никакого авторитета, никакой сдержки она не знала, она вполне командовала своей матерью, та во всем ей подчинялась. По физическому положению Лизы развитие способности сдержки, умение держать себя в руках было существенно важно, только таким путем можно было до некоторой степени уравновесить неблагоприятные условия ее физического развития. Но Лиза не знала преграды своим желаниям, мать не ставила ни во что и поступала всегда, как хотела; она смеялась над своей матерью и в глаза и за глаза. Хотела она писать любовные письма — и писала; желала без разрешения матери принимать братьев Карамазовых — и принимала, назначала им свидания в квартире и без церемоний выталкивала из комнаты мать, оставаясь с молоды-

ми людьми одна. Мать знала все это и ничего не могла сделать, только подслушивала, а дочка при случае подслушивала в свою очередь. При такой вполне бестолковой обстановке росла Лиза, так сильно нуждавшаяся в твердом и энергичном руководстве. Никаких нравственных сдерживающих начал, никаких вообще разумных убеждений ей не внушалось, бедная девочка была предоставлена сама себе, своим инстинктам, а эти проснулись в ней рано и толкали ее на нехорошую дорогу.

Не следует думать, что мать Лизы была дурная женщина, нет. Г-жа Хохлакова была женщина с очень добрыми намерениями и стремлениями, мучилась разными высокими вопросами, ходила на собеседование к старцу Зосиме. «Я так люблю человечество», повествовала она старцу Зосиме, «что, верите ли, мечтаю иногда бросить все, все, что имею, оставить Лизу и идти в сестры милосердия. Я закрываю глаза, думаю и мечтаю и в эти минуты я чувствую в себе непреодолимые силы. Никакие раны, никакие гнойные язвы не могли бы меня испугать. Я бы перевязывала и обмывала собственными руками, я была бы сиделкой у этих страдальцев, я готова целовать эти язвы»... Она страдает неверием в будущую жизнь — «умру и вдруг ничего нет, и только вырастет лопух на могиле».

Но все эти стремления и мысли слишком легкое и поверхностное явление в жизни г-жи Хохлаковой, все это больше одни разговоры, которые, окончившись, не оставляют по себе никакого сколько-нибудь глубокого следа, потому что Хохлакова женщина чувствительная, порывистая и бестолковая. Они и дочь любит, искренно желает ей добра, но ничего полезного для дочери из своего чувства к ней извлечь не может. Но несомненно, что этими порывами и мечтаниями мать и дочь сходны, душевно сближаются одна с другой.

Вырастая без всякого серьезного руководства, Лиза развивается преждевременно. Она рано втягивается в жизнь взрослых, во все их тревожнения и интересы, и никто ее не останавливает, никто не говорит, что это нехорошо, не по возрасту. Вся трагедия, которая разыгрывается братьями Карамазовыми, Грушенькой, Катенькой и т.д., совершается на ее глазах, она все знает, во всем принимает участие и в довершение всего сама не прочь затеять роман то с одним Карамазовым, то с другим. По своим мыслям, по поступкам и чувствам она — то дитя, то взрослая женщина, глубоко и тонко чувствующая, много передумавшая. Это буквально какой-то бесенок, в образе девочки скрывающий душу взрослого человека. Сейчас она удивит школьнической детской выходкой и шалостью, а вслед затем

---

чувством и мыслью взрослой женщины. Настоящего детства Лиза, кажется, не знала вовсе, она сразу сделалась взрослой маленькой женщиной; ее игривость, шалости слишком скоро и рано заглушались и подавлялись несоответствующими возрасту порывами, мыслями и стремлениями. Окружающих ее взрослых людей она понимала очень хорошо, судила о них тонко и правильно, и вообще ее ум, как и ее язык, были остры. Лиза вполне скороспела, из ранних по развитию.

Если из образа Лизы Хохлаковой исключить те черты, которые прямо делают ее больной физически и духовно, именно паралич ног и истерические припадки, извращенные чувства и стремления, то в результате останется типическое изображение многих нынешних детей. Характерными чертами этого множества будут: физическая слабость и хилость, нервность, отсутствие сдержки, слишком раннее развитие. Перечисленные свойства, и не поодиночке, а в большем или меньшем числе и сочетании, встречаются у многих современных детей, составляя их характерное отличие от прежних детских поколений. Нынешние дети очень часто бывают развинченными, какими нередко бывают их родители. Вот эта-то развинченность и составляет основную черту Лизы Хохлаковой как типа современных девочек. А вызывается эта развинченность у наших детей теми же причинами, как у Лизы Хохлаковой: некоторой неблагоприятной наследственностью (Хохлакова-мать была развинченная женщина), бестолковым воспитанием, решительно не заботящимся о развитии собственной сдержки, абсолютным командирством детей в семье и слишком ранним вкушением всех благ и удовольствий, не оставляющим почти ничего по этой части дальнейшим возрастам.

**Каптерев П. Ф.** Типы детей в произведениях Достоевского. //Воспитание и обучение. — 1895. — № 3, апрель. — С. 73—87.